

Александр Иванович Куприн

Забытый поцелуй

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Худ. литература, 1970. Том 1 Стр. 227 - 229.

Это случилось в те далекие времена, которые давным-давно сделались для нас мифом.

В спальню маленького королевского сына, сквозь не закрытое ставнем узкое и длинное готическое окно с причудливой чугунной решеткой, ярко светил месяц. Его лучи ложились на всё нежными фосфорическими пятнами. Под их прикосновением резко и таинственно выделялись из мрака: то затейливый узор персидского ковра, то высокая и прямая спинка резного кресла, то серебристый мех распластанной на полу звериной шкуры, то складки измятого кружева, то перламутровая инкрустация игрушечного колчана и золоченые концы высыпавшихся из него стрел...

Ночь длилась, а светлое пятно на полу, причудливое и правильное, передвигалось с места на место. Наконец оно осветило и колыбель принца. Он лежал, разметавши ручки, нагой, весь розовый, с улыбкой на пурпурных полуоткрытых губках. Когда лучи месяца упали на его лицо, он вздохнул во сне и перевернулся на спину.

А в каскаде лунных лучей в это время купались прекрасные феи весенней ночи. Они, взявшись за руки, сплетались в хоровод, быстро кружились в нем и опять расплетались в длинную подвижную вереницу. При сиянии месяца их тела казались совсем прозрачными; их распущенные волосы волнами падали на плечи; они пели, смеялись и, обнявши друг друга, подымались и опускались в потоках света...

Одна из них заметила спящего маленького принца. Отстав от своих подруг, она приблизилась к его колыбели и, обвинившись вокруг него, поцеловала его в полуоткрытые губы. Он вздрогнул, проснулся, протянул ручонки, но прекрасная фея была уже далеко, увлекаемая своими беспечными подругами в веселый хоровод.

Принц рос. Старый король, глядя на него, сокрушенно качал седой головой. Его будущий наследник не любил ни охоты, ни стрельбы из лука, ни воинственных боевых песен. Он охотнее проводил время в кругу придворных дам и слушал их разговоры, положив одной из них на колени кудрявую голову. Он искал их ласк и любил прикосновение их нежных рук. "Он не будет настоящим королем",-- шептал задумчиво отец. "Он не будет настоящим королем",-- повторяли за ним придворные.

Старый король умер, и его сын наследовал престол. Но он не продолжал воинственных завоеваний предков, не предавался охоте за дикими кабанами, зубрами и медведями, не устраивал пышных турниров, не проводил ночей в кругу свиты за громадным золотым кубком старого вина, при красном свете смоляных факелов. Изнеженный и праздный, он окружил себя прекраснейшими женщинами страны и переходил от одной к другой, из объятий в объятия, от уст к устам. Он был прекрасен, высокий и стройный, как девушка, с неотразимыми глазами, черными, задумчивыми и томными.

Но молодой король не знал счастья. Тайная грусть никогда не покидала его сердца и против воли отражалась на его челе. Жадной душой он искал в объятиях женщин чего-то непонятного для него самого, чего-то дорогого и совершенно забытого...

Иногда, при встрече с новой красавицей, ему казалось, что забытое начинает принимать уже ясный образ, и он стремился к красавице так же страстно, как цветок стремится к солнечным лучам... Он уже чувствовал, как непонятное начинает принимать осязаемые формы. Горя и волнуясь, он выслушивал признания и мольбы... Но охладевал с первым поцелуем... Тайна опять бесследно исчезала из его памяти.

Наконец поиски за невозможным утомили его. Он стал бледнеть и слабеть с каждым днем. Его ввалившиеся глаза никогда больше не загорались улыбкой... Однажды ночью, лежа в своей кровати под пышным балдахином, увенчанным короной, он почувствовал близость смерти и стал припоминать всю свою жизнь и вспомнил все, кроме забытого. "Неужели же я умру, не вспомнив?" -- прошептал, ломая руки и метаясь на своем ложе, умирающий король.

В это мгновение яркий луч месяца упал на его глаза, чьи-то прозрачные обнаженные руки обвили его шею, чьи-то губы, дрожащие от радостного смеха, приникли к его губам.

И король вспомнил... Он протянул руки вслед улетающему видению... Но руки опустились безжизненно, а на мертвом лице застыло выражение нестерпимого блаженства...